

Репетиция с оркестром

Возвратившись в «Древо Хитрово», я первым делом подошёл на ресепшен, попросил у Эли свою сумку, расстроено сообщив ей, что документы мои не нашлись. Между делом спросил:

– У вас кто-нибудь из родственников случайно не учился на журфаке МГУ?

– Откуда вы знаете? – удивлённо посмотрела она на меня.

– Начальница, посылая меня сюда в командировку, обмолвилась, что училась в Москве с подружкой из Ульяновска с такой же фамилией, как у вас.

– Да, моя тётя, сестра моего отца, окончила МГУ. Но она там же, в Москве, вышла замуж за иностранца, так что мы видимся нечасто.

– Всё равно удивительное совпадение. Как тесен мир.

– Вы определились с ночлегом? – спросила она меня.

– Пока нет, но выбор невелик: или снять комнату где-то поблизости, или, может, найдётся всё-таки какой-нибудь вариант здесь в отеле?

– В принципе я могла бы вам найти комнату в городе у своих знакомых, возьмут не очень дорого, – начала она. – Я освобожусь вечером, хотите, позвоню и узнаю?

Я так намотался за день, что совсем не хотелось тащиться куда-то ещё на ночь глядя, и тут мне пришла в голову хорошая, как мне показалось, мысль:

– Послушайте, Эля, вы утром говорили, что здесь в отеле можно поставить раскладушку. Мы, журналисты, люди, совершенно не избалованные комфортом, к полевым условиям привычные. В отеле же есть различные подсобные помещения, пункт проката музыкальных инструментов, например. Всё равно он закрыт по ночам, а мне перекантоваться ночь-другую вполне хватило бы, а я вам – или кому тут – за это немного заплачу. А завтра, глядишь, кто-нибудь да съедет, и могут появиться места в номерах. Как вам такая идея?

– Ну, не знаю... – недоверчиво ответила она. – Прокат закрывается поздно – после девяти вечера, да и вряд ли они пойдут навстречу – там же материальные ценности. А отель – вы сами видите – битком набит... Хотя, – задумалась она, – в принципе есть одна мысль... За пять тысяч я, пожалуй, смогу вас пристроить, но это строго между нами!

– Пять – дорого. Может, за три?

– Ну хорошо, – подумав, ответила она. – Подходите в девять вечера на ресепшен, может быть, решим. Только – никому! Не подведите меня.

– Могила! – кивнул я. – Спасибо заранее. Тогда я опять оставлю сумку здесь, а сам пойду прогуляюсь на банкет – скоротаю время.

Влад Покров предлагал мне встретиться вечером на торжественном приёме по случаю открытия фестиваля, и, хотя мне не очень понравилось его выступление на сегодняшней панельной дискуссии о горизонтах доверия власти и прессы, я всё же пошёл его искать.

Впрочем, к банкету подтянулась вся журналистская тусовка фестиваля независимо от политических взглядов и жанровых предпочтений – желание выпить и закусить на халяву сближало и объединяло всех. Фуршет – со шведским столом, зал был набит до отказа, спонсоры не поскупились – вино лилось рекой. Музыканты на сцене играли лёгкую музыку, официальные тосты сменялись экспромтами, плавно перетекавшими в шутки и каламбуры. Сначала журналисты кустились за столами по региональному принципу, но потом потихоньку начинали брататься со своими соседями. Тут я встретил и всех своих земляков – и Евгения Витольдовича Тараканова с помощницей, одетой в вечернее платье, и Валентину Ивановну Матрёнову с подружками из районных газет и геями-информационщиками. Подсчитав, сколько у меня осталось денег из занятых поутру, я было с претензией посмотрел на Тараканова, но, вспомнив о продемонстрированных мной на панельной дискуссии английских манерах и его недобром взгляде, решил с вопросом о деньгах к нему не обращаться.

Мы быстро выпили несколько тостов и стали обмениваться впечатлениями: кто и кого здесь встретил из давних знакомых, на каких круглых столах побывал и в котором часу на этот раз набрался Поддонов. Я поведал Матрёновой о том, как безрезультатно съездил днём на вокзал и в полицию, как до сих пор ещё не определился с ночлегом, но вроде как всё на мази...

– А порепетировать вы не забыли? – перебила она меня. – Вы обещали! Смотрите, завтра не подведите нас...

Все уже находились в изрядном подпитии, ребята из информагентств достали из карманов губные гармошки и, дурачась, стали подыгрывать музыкантам из оркестра. У Тараканова беспричинно текли слюни. Хотя очень скоро я понял, что был неправ – причина была: за одним из столов в зале выделялась эффектная блондинка, как две капли воды похожая на известную супермодель Наталью Водянову, и Тараканов похотливым глазом косил в её сторону. Но «Водянова» была не одна –

она явно была сопровождающим приложением к важному брюхастому дядьке в дорогих часах и золотых кольцах чуть ли не на каждом пальце. Тараканов сильно выпятил нижнюю губу и пускал пузыри.

И тут Матрёнова сказала:

– Мальчики, а пойдёте танцевать – какая музыка хорошая играет!

Действительно, со сцены исполняли шансон «Под небом Парижа». Я насколько мог галантно пригласил на танец саму Валентину Ивановну, геи хороводом закружились с редакторшами районных газет, помощницу Тараканова как-то вдруг увлёк на танцпол молодой кавказец с соседнего стола. Тогда сам Тараканов, вконец осмелев и распоясавшись, вызвал на танец «Водянову». Рядом с нами танцевал и Влад Покров со своей эффектной коллегой и другими не менее колоритными представителями народов Севера. Ликование и веселье были всеобщими, выплёскиваясь через край. Под бархатный голос со сцены мы незабвенно кружились с Валентиной Матрёновой в вальсе.

Sous le ciel de Paris
S'envole une chanson
Elle est née d'aujourd'hui
Dans le cœur d'un garçon

Sous le ciel de Paris
Marchent les amoureux
Leur bonheur se construit
Sur une air fait pour eux,

– пел бархатный баритон, а я, всё теснее прижимаясь к Валентине, жарко переводил в её покрасневшее ухо:

Под небом Парижа
взлетает песня
Она родилась сегодня
в сердце мальчишки,

Под небом Парижа
прогуливаются влюбленные
Их счастье возникает на мотив,
созданный для них.

– А вы озорник, Игорь, – кокетливо отвечала она мне. – Но не забудьте, что и нам с вами придётся завтра петь, а мы ещё даже не репетировали, – тут же остудила она меня (вот что делают с людьми руководящие должности!).

В этом момент мы буквально столкнулись спинами с Таракановым и «Водяновой». Я обратил внимание на то, что Евгений Витольдович ведёт себя чересчур нескромно: он не просто тесно прижался к красивой блондинке, но и откровенно трогал её за те места, за которые обычно любит трогать дам Слуцкий (не футбольный тренер, а депутат Госдумы). «Да, руководящие должности разлагают всех по-разному», – афористично подумал я.

Пока мы вальсировали до конца шансона, мне в голову пришла идея, навеянная Парижем, выпитым вином, а также расчётливым поведением Валентины Ивановны Матрёновой. Дело в том, что про Париж у меня был вальс и собственного сочинения, спеть его под влиянием ал-

коголя я был не прочь хоть сейчас, а раз меня укоряли в уклонении от обещанных репетиций, то, резонно решив не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, я несколько расхлябанным шагом решительно направился на сцену. Попросив у музыкантов микрофон и гитару, я обратился к публике:

– Дамы и господа! От лица нижегородского журналистского сообщества рад приветствовать вас в первый день фестиваля на гостеприимной ульяновской земле! И раз уж здесь прозвучала песня про Париж, которая всех нас так объединила в этом вальсе, то своей стороны я предлагаю вам продолжить вальсировать и под нижегородский вариант песни про Париж, написанный мною в далёком 1996 году – в то время, когда этот чудесный город содрогался от наплыва арабских террористов, так что даже мусорные урны на улицах в те дни там были заварены, ибо туда прятали бомбы. Вальс называется «Рождество в Париже», прошу вас разбиться на пары, а ответственным работникам засчитать моё выступление как репетицию с оркестром.

Пальцы сразу вспомнили струны, и вальс полился сам собой. Да, и ещё спасибо музыкантам оркестра – они быстро подстроились под нехитрые аккорды вальса, и пел я не под одну только гитару, но и под аккомпанемент гармоники, клавишных и ударных:

Игорь (Гоша) СКРОМНЫЙ исполняет свою песню

РОЖДЕСТВО В ПАРИЖЕ

I

Когда я в Париже
на крышу Собора
Забрался окинуть Парижа просторы,
Услышать,
чем дышит,
что думает город,
То я не увидел красоты Парижа:
Туман-передвижник
и ветер-свалыжник
Задёрнули штору,
дождь лижет булыжник
И статуи лижет.

В Париже
на лыжах
не ходит никто.
Все только и носят бомбы в метро,
Пьют кофе в бистро,
не снимая пальто,
Да греют нутро,
попивая «бордо».

II

У Гранд-Опера
взрывают с утра
И у «Лафайета» –
бомбы в пакетах,

У башни Эйфеля
дым всю неделю,
А у Нотр-Дам –
в основном по средам.
У Сент-Эсташа
и Сен-Сюльписа
Нету прохода
из-за террористов,
А вот на Монмартре
и на Пигали
Мы бомб не видали,
И на Сен-Дени
в редкость они:
У местных парней
нет критических дней,
И нет им покоя
в Булонском лесу:
«Ну, месье, что такое?»

Очень уютно зато у Родена –
Тихо,
спокойно,
не воют сирены.
Но за стеною,
у дома Делона –
Прежний сценарий,
те же законы:
Ступаешь на мост Александр Труаэем
Снова под вой полицейских сирен.

В Париже
на лыжах
не ходит никто.
Все только и носят
бомбы в метро,
Пьют кофе в бистро,
не снимая пальто,
Да греют нутро,
попивая «бордо».

...В Париже
о Нижнем
не знает никто...

III

Но если вы всё же
окажетесь в Нижнем,
То вспомните тех,
кто скучает в Париже:
О наших девчатах,
что в «Мулен Руже» –
О Вере, Наташе, Оксане и Груше;
О моднике Славе,
о дворнике Сене,

Что с мыслью о Волге томятся на Сене,
О воре Петре,

сутенёре Антоне,
Что с мыслью о доме пьют на Вандоме.
И вспомнив их всех –

лысых,

светлых

и рыжих,

Скатитесь разочек с горки

на лыжах.

В Париже

на лыжах

не ходит никто...

Все только и носят бомбы в метро,

Пьют кофе в бистро,

не снимая пальто,

Да греют нутро,

попивая «бордо».

На лыжах

в Париже

не ходит никто!

Вальс мой восприняли доброжелательно – хлопали хорошо. А главное – я положил почин: как только закончил петь, на сцену потянулись стройные ряды нетрезвых вокалистов из других регионов. Первыми вышли краснодарцы – буквально вырвав у меня микрофон, они хором грянули казачью песню, за ними образовалась целая очередь желающих выступить, словно на Евровидении. Стоит ли говорить, что среди них я увидел и представителей народов Севера во главе с Владом Покровом.

– Что собираетесь петь? – спросил я его.

– «А олени лучше», – флегматично ответил он.

Матрёнова вся светилась от радости:

– Вы хорошо поёте, Игорь. Пожалуй, я спокойна за завтрашний день.

И тут я увидел администратора Эльвиру: она стояла у дверей на входе в зал и жестами показывала мне на часы – было около девяти. Я направился к ней.

– Моя смена заканчивается, а вас всё нет, хорошо, что знала, где искать, – сказала она и польстила: – Кстати, классно поёте, на вашем месте я бы подумала о смене профессии.

– Хотите, «я вам спою ещё на бис»? – раздухарился я.

– Как-нибудь в другой раз, – негромко сказала она, озираясь. – Я, кажется, придумала вам вариант с ночёвкой. Три тысячи за ночь, как договаривались?

– По рукам, только я возьму в баре что-нибудь выпить на ночь.

Бар был напротив – я купил там бутылку коньяка, минеральной воды, немного фруктов и увидел, что денег у меня после этого осталось всего ничего – тысячи четыре. Погрустнев, я протянул Эльвире три тысячи. Она нервно взяла деньги и, быстро сунув их в карман, прошептала мне:

– Идём за мной!

Взяв сумку, я покорно поплёлся за Эльвирой в недра «Древа Хитрово».

Я так вымотался за этот бесконечный шебутной день, что мне как можно скорее хотелось принять горизонтальное положение – плюхнуться на любой лежак и забыться мертвецким сном.

– Куда мы идём? – спросил я её по мере того, как мы углублялись в чрево отеля по длинному нескончаемому коридору.

– Сейчас увидишь, – как-то вдруг перешла она со мной на «ты».

– Мы вроде не пили ещё на брудершафт, – уже заплетающимся языком отвечал я.

– Ещё не вечер, – не оборачиваясь, нервно отвечала она.

– Это тоже мне будет стоить денег? – пытался шутить я.

– А они есть? – обидно подколола она меня.

Igor goes to Hollywood

– Так куда мы идём? К тебе в номер? – продолжал допытываться я.

– У меня нет здесь номера – на всех дежурных в отеле всего одно общее помещение, – ответила она, – но вариант я нашла.

Пока мы шли по длинному коридору вглубь «Древа Хитрово», образно говоря, от основания ствола дерева к его макушке, она объяснила, куда решила меня определить на ночлег.

Оказалось, что ещё на стадии строительства один из близких друзей хозяина отеля заранее арендовал у него на длительный срок целый – самый дальний по расположению – отсек в этом огромном разветвленном комплексе. Так как он находился практически в самом конце гостиницы, то представлял собою тупик, уходящий от центрального коридора направо, и располагался на полуторном этаже: чтобы попасть туда – нужно было со второго этажа спуститься на полуторный уровень вниз по лестнице, и там весь отсек находился за одной большой дверью.

Пока мы туда шли, Эля мне вкратце рассказала, что этот друг хозяина отеля был каким-то важным учёным, работавшим то ли по линии «Роснано» у Чубайса, то ли при каком-то крупном институте, но финансирование у него было очень солидное, денег у него было немало. Жил он тут уже больше года, но довольно замкнуто.

– А зачем ему было нужно селиться в этом отеле? – удивился я. – Что за странная прихоть?

– Понимаешь, он человек довольно скрытный, – объяснила мне Эльвира, – но мы с ним сдружились, и он мне рассказал, что ведёт здесь научные разработки, чтобы не светиться в головной организации. Что-то вроде индивидуального предпринимателя под частные заказы. Он тут живёт практически затворником и выходит только покушать. Хозяин отеля, по-моему, с ним в доле в его проектах, поэтому и разрешил ему занимать тут целый отсек за сравнительно небольшие деньги, ниже общей таксы. Он целый год здесь сидел безвылазно, а теперь, видимо, деньги кончились – сказал, что съездит в Москву недели на две за каким-то очередным грантом, а также отвезёт и продаст готовые изделия.

– Что за изделия? – поинтересовался я.

– Сейчас увидишь, тебе понравятся, – ответила она. – Меня он попросил в его отсутствие последить за его апартаментами по мелочам – цветы полить, пыль вытирать, за электроприборами посмотреть. Вот я тебя там и размещу, и немного денег подзаработаю. Но только не удивляйся: это не гостиничный номер, а по сути большая научная ла-

боратория, он там жил почти безвылазно – и спал, и работал. Но тебе ночь-другую перекантоваться – сойдёт, раз согласен. Но за каждую последующую ночь – ещё по три тыщи! – строго напомнила она.

– Ja ja, natürlich, – ответил я, вспомнив, что мне опять нужно будет где-то раздобыть денег («Займу у Покрова?»). – А чем этот учёный занимается? В какой сфере работает?

– Мне он сказал, что разрабатывает биороботов – мужчин в качестве «двойников» для крупных политиков и бизнесменов, а женщин – вместо резиновых кукол или проституток, чтобы, говорит, удержать женщин от падения. Да ты сейчас сам всё увидишь – там у него должны быть образцы типа манекенов. Только ты их не трогай, чтобы он ничего не заподозрил, когда вернётся. Переночуешь, и всё! – строго добавила она. – А я потом приберу, надеюсь, он ничего и не заметит. Он богатый, а скупердяй! – в сердцах воскликнула Эльвира. – Просил присмотреть на две недели, а дал мне за это всего червонец!

– Такое бывает. А я, видишь – бедный, а плачу три косяря за ночь. Спасибо тебе! – поблагодарил я мою спасительницу.

За время беседы мы дошли практически до самого конца длиннущего коридора, повернув направо спустились на половину пролета вниз по лестнице и уперлись в серебристую металлическую дверь. Эльвира достала ключ, вставила его в замочную скважину, повернула – и мы вошли.

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ

Помещение сразу поражало своими размерами. От двери до единственного большого окна напротив было метров тридцать. В ширину – метров восемь. Перегородок никаких не было – всё пространство делилось на секции мебелью. Справа и слева от входной двери стояли два больших гардеробных шкафа. Далее по левой стороне шли туалетный и душевой отсеки, за ними – кухонное пространство с мойкой, шкафчиками, встроенными плитами и барными стойками, после них – большой шкаф с книгами, у окна – огромный угловой диван цвета слоновой кости. По правой стене за гардеробом шла зона всевозможных приборов, станков, медицинских и каких-то иных неведомых мне барокамер, центрифуг, электроприборов и другой различной аппаратуры, а пространство у самого окна справа от дивана было затянуто цветными шторами и ширмочками.

Я поставил бутылку коньяка и фрукты на барную стойку, оглядел комнату и сказал Эльвире:

– Действительно – ощущение, что попал в какую-то научно-производственную лабораторию. Примерно в такой я работал недолгое время после университета на авиационном заводе в Нижнем, только там было больше железа, а тут в основном – пластик да кожа, что ли, какая?

Подойдя к окну, я провёл ладонью по коже дивана – она была изумительной.

– Спать можно здесь? – спросил я свою спутницу.

– Да, – ответила она. – Постельное бельё – в шкафу. Сам постелешь или тебе постелить?

– Буду премного благодарен, я сегодня вконец вымотался. А я пока открою бутылку коньяка – ты обещала выпить со мной на брудершафт.

Пока она стелила постель, я подошёл к барной стойке, разлил по рюмкам коньяк, нарезал груш и лимонов. Когда она подошла ко мне, я протянул ей рюмку, тарелку с нарезанными фруктами и театрально произнёс:

– Моя спасительница! Предлагаю выпить за наше знакомство, вашу неземную красоту и отзывчивость к ближнему своему.

Она заулыбалась, мы чокнулись рюмками, переплели руки и, глядя друг другу в глаза, выпили коньяк до дна. Поцелуй был страстным даже со скидкой на то, что за день я неимоверно вымотался. Эля зарделась, мы взяли груши – они оказались очень сочными и сладкими, но не вкуснее нашего поцелуя. Я видел, что она очень даже не прочь, но силы покидали меня...

– Да, кстати, ты грозилась мне показать здесь что-то эдакое... Какие-то изделия? – спросил я её, ставя рюмки на стол. – Это наверняка спрятано в гардеробе? Или в душевой? Или в этих барокамерах?

– Это будет для тебя сюрпризом, – ответила она. – В этих, как ты их назвал, барокамерах он наверняка их делает. А изделия – куклы – вот они! – она подошла к ширмам и шторкам справа от окна и резко все их сдвинула и раздёрнула.

Я выронил грушу из рук на пол и только что и мог вымолвить:

– Охренеть...

Справа от дивана у окна, ранее скрытые завесами, моему взору открылись пять ослепительной красоты обнажённых женщин, три мускулистых красавца и два невзрачных мужичка.

Я не мог прийти в себя от столь внезапного зрелища, медленно приблизился к ним, повторяя одно только слово в разных вариациях:

– Охренеть! Опупеть! Что это?!

Конечно же, я сначала двинулся к женщинам. Из пяти обнажённых красавиц я сразу узнал двух – это были абсолютно голые Моника Беллуччи и Шарлиз Терон. Три другие были ничуть не хуже, имён их я не помнил, но самих явно где-то раньше видел. «В порнофильмах!» – тут же догадался я. Одну, кажется, звали Kendra Lust.

Что касается мужиков, то трое из них были молодыми красавцами что-то вроде с рекламы нижнего белья, один – лысый, сильно обрюзгший старичок, похожий то ли на Лужкова, то ли на какого-то банкира или олигарха, которые часто мелькают по телевизору, а другой – какой-то молодой политик, то ли министр, то ли губернатор, что нынче все на одно лицо словно под копирку.

Я смотрел на них, вытаращив глаза. Они в ответ разглядывали меня с равнодушным любопытством. Все эти люди не то чтобы стояли неподвижно, но словно переминались с ноги на ногу или поводили плечами вполоборота, так что их мышцы, а особенно груди у женщин возбуждающе трепетали. Правда, бросилось в глаза то, что у всех у них не было видно гениталий – пах и у женщин, и у мужчин словно был затянут телесного цвета лентами.

Мою прежнюю усталость сразу как сдуло. Мне даже стало стыдно перед Эльвирой, когда она увидела то, чего скрыть было никак нельзя – мои штаны лопались от эрекции.

– Это же куклы! – воскликнула она. – На меня у тебя такого не было! – услышал я её упрёк.

Но мне уже были безразличны все упрёки целого мира, я протянул руку к трепещущей груди стоявшей в шаге от меня Моника Беллуччи

и – ба-бац-ц!! – меня словно током долбануло, так что я чуть не отлетел от неё.

– Что это?! – закричал я, отпрыгнув от Моники шага на три и корчась от неожиданной боли.

– Ха-ха-ха! – хохотала, схватившись за живот, Эльвира. – Аха-ха-ха-ха! Ты что, дурачок, думал они живые? Я же говорила тебе, что это биороботы. Куклы! Манекены!

– Но они же действительно выглядят как живые! – всё ещё кричал я. – Никогда бы не отличил! А чем это она меня шарахнула?

– А разве ты не заметил, что все они – на миллиметра два-три – ни с чем не соприкасаются?! – насмешливо сказала мне она.

Я пригляделся – и точно: между полом и стопами их ног, между задницами и табуретами (у принявших сидячее положение) или между телами и стенами или предметами мебели действительно было пространство примерно в два-три миллиметра. То есть каждый из них не соприкасался ни с какой поверхностью, а был окутан неким полем.

– Ты можешь мне объяснить – что это? – спросил я Эльвиру.

– Только в общих словах, я – не учёный-физик, не практик и даже не теоретик, – ответила она. – Хозяин этой квартиры по изобретённым им технологиям делает этих биороботов за бешеные бабки по частным заказам. Как ты, наверное, сам догадался – вот этих двух, – она показала на старого лысого пузана и невзрачного средних лет дядьку, – ему заказали в качестве своих двойников какие-то бизнесмены или политики. Может, покушения боятся, а может – просто для отвода глаз, куклу в кабинете на работе оставят, а сами – по своим делам, в баню или сауну! Красавиц – понятно, на заказ тем, у кого нет возможности переспать с живыми Моникой Беллуччи или Шарлиз Терон, а очень хочется. Молодых парней – для тех же целей.

– Но почему они без гениталий?

– Я спрашивала учёного об этом. Он сказал, что этот последний штрих – сущий пустяк. Когда заказчик оплатит свою куклу, он сделает им гениталии на любой вкус и размер – всё, что пожелает клиент. Женщинам – хочешь выше-ниже, шире-уже, мельче-глубже. Мужикам – да хоть на полметра пришьёт! Кстати, он говорил, что красавчиков ему заказывают сами мужики не реже женщин. Так-то! – почему-то с укором посмотрела она на меня. – Ну а этим, – кивнула Эльвира на пузана и его соседа, – обычно и не просят ничего приделывать, им это не к надобности, они для отвлекающих маневров.

– А почему от них током бьёт? – снова спрашивал я.

– Чтобы кто-нибудь, вроде тебя, – усмехнулась моя спутница, – не надругался над ними, не испортил или не похитил эти куклы до оплаты, внутри у них он поставил какое-то устройство или датчики, которые создают вокруг небольшое физическое поле (не буду врать какое, потому что ничего не понимаю в этом – электрическое, электромагнитное или какие там бывают ещё?). Поэтому к ним и нельзя прикоснуться. К примеру, даже если сейчас попробовать эти биороботы одеть – одежда всё равно будет болтаться от их кожи на те же три миллиметра. Но хорошо, что на такой подзарядке куклы и сами, как видишь, особо двигаться не могут, только покачиваются. А то бы они тут таких дел натворили! Я как-то сама ради любопытства до одной дотронулась – так меня тоже шарахнуло, мама не горюй! Так что осторожнее! Мы, живые-то, лучше! – снова расхохоталась она надо мной и продолжила: –

А когда за них заплатят, он, приделав гениталии, убирает это поле и передаёт их заказчику. Кстати, он и в этот раз, уезжая в Москву, повёз собой сразу несколько экземпляров. Потому что в прошлый раз, когда я была здесь до его отъезда, у него женских кукол было на три штуки больше и мужиков было больше на одного.

– Дорого они стоят?

– Бешеные деньги! – расширив глаза, сказала Эля. – Это же штучный товар, понимать надо! Вот сейчас он четыре куклы, которые повёз с собой, продаст заказчикам и съездит на какой-нибудь суперфешенебельный курорт, а потом минимум год, а то и больше, может здесь безвылазно шиковать. Но он не шикует, а больше работает.

– А разговаривать они умеют? – спросил я Эльвиру, снова кивнув на кукол.

– Когда на зарядке, как сейчас, – точно нет! Я пробовала – не отвечают. А уж когда электрополе с них снимут, думаю, что да. Он же в них специальную программу вставляет – всякие-разные чипы: так что и кричат, и стонут, как захочешь, и разговаривают, сколько пожелаешь. – Она немного помолчала и добавила с усмешкой: – Неужели ты думаешь, что если бы этих кукол можно было трогать, я бы тебя сюда привела?

– Какие-то эти двое, – сказал я в свою очередь, кивнув на лысого пузана и дядьку рядом с ним, – слишком напряжённые в отличие от остальных...

– Ещё бы! – ответила Эльвира и снова рассмеялась: – Их оригиналы сейчас наверняка с охранниками ходят, а эти здесь голые и сирые на табуретках сидят!

Я всё ещё никак не мог прийти в себя от увиденного и пиялился как сумасшедший в основном на голых баб.

– Ладно, – сказала Эля, – мне домой пора: мы здесь работаем через сутки, так что завтра меня не будет, появлюсь только в четверг. Если следующую ночь тоже решишь здесь спать – готовь деньги, на халяву не прокатит.

– Да, конечно, отдам, не волнуйся, – ответил я. – А если хочешь, оставайся со мной.

– Нет-нет, мне сегодня обязательно нужно домой, надо ещё до города доехать, а вот после следующей смены... Ты когда уезжаешь?

– У меня обратные билеты на поезд на пятницу куплены – на прицепной вагон, – сказал я. – Нужно будет ещё что-то с документами решать. Кстати, в четверг меня здесь будут награждать как лауреата конкурса, – вспомнил я, – будет как раз твоя смена, давай отпразднуем?

– Хорошо. С четверг на пятницу я смогу остаться.

Она положила на барную стойку ключ от двери и попрощалась:

– Будешь выходить – обязательно запирай дверь. Обязательно! И ни в коем случае никого сюда не приводи и ничего здесь не трогай! А то оба вляпаемся в историю. И – готовь деньги!

– Замётано! – ответил я, уже чувствуя, что опять валюсь с ног. – Хочешь коньячку на посошок?

– Нет, мне надо ещё до дому доехать. Ложись спать, у меня есть запасной ключ, я закрою.

Сказав это, Эля вышла и заперла за собой дверь. Я подошёл к барной стойке, выпил рюмку коньяка и кое-как доковылял до дивана. Хотел было выключить свет, но, ещё раз взглянув на стоящих в углу как привидения кукол, передумал. Уже засыпая, я не мог отделаться от ощущение

ния, что голые женщины и мужчины продолжают пялиться на меня. Тогда я встал и задернул все шторы и развернул все ширмы. Но так было ещё неуютнее: мне всё мерещилось, что вот-вот куклы сами сорвут все занавеси и набросятся на меня. Я опять поднялся и снова открыл все шторы и сложил ширмы. Так под неусыпными взглядами десяти биороботов обоего пола я наконец-то провалился в тяжёлый сон.

Всю ночь мне снились кошмары: урки, опаивающие меня в поезде водкой и с приставленным к моему горлу ножом шарящие по моим карманам, Тараканов, хватающий за лобки одновременно Чулкову и женщину, похожую на Водянову, Влад Покров, занимающийся сексом с оленями, Поддонов, голый и пьяный с крыши отеля грозящий кукишами Московскому Кремлю, и, наконец, я сам, лежащий в Мавзолее вместо Ленина, и шагающие надо мной строем все десять кукол обоего пола с широко раздвинутыми ногами – и с гениталиями. И вот проходящая надо мной Kendra Lust вдруг приостановилась и со всего размаху грохнулась на меня. Во мне будто что-то хрустнуло, и я резко проснулся.